

УДК 343.9.018.3
ББК 67.513

Л.М. Прокументов
*доктор юридических наук, профессор,
Томский государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация*

А.В. Шеслер
*доктор юридических наук, профессор,
Томский государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ

В статье раскрыты основные направления развития классической школы уголовного права, возникновение в России двух основных теорий причин преступности, которые принято называть социологическим и антропологическим направлениями. Выделены основные особенности русской социологической школы уголовного права: многофакторный подход к объяснению причин преступности; меньшая, по сравнению с социологическими школами западных стран, зависимость от антропологических теорий причин преступности. Отмечены особенности антропологической доктрины преступности, влияние на преступность социальных процессов, необходимость решения социальных проблем (трудоустройства, организации обучения и т.д.). Показано соотношение социологического и антропологического направлений в теории причин преступности. Определены основные детерминанты преступного поведения, рассмотрены психофизические аномалии личности. Отражена теория субъективных причин преступности. Сделан вывод о том, что реальная практика борьбы с преступностью показывает, что приоритет в этой области принадлежит решению основных социальных проблем, а не усилению уголовных репрессий, профилактический эффект от которых не столь уж велик. Рассмотрены причины преступности на индивидуальном уровне и уровне отдельных социальных групп. Дан анализ биологических детерминантов преступности, использования в профилактике преступного поведения рекомендаций генетиков. Отмечено, что наиболее конструктивной представляется компромиссная позиция, объединяющая детерминистский и казуальный (причинный) подход к преступности.

Ключевые слова: преступность; теории причин преступности; детерминанты преступности; классическая школа уголовного права; социологическая школа уголовного права; биологические, социологические детерминанты преступности.

L.M. Prozumentov
*Doctor of Law, Professor,
Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation*
A.V. Shesler
*Doctor of Law, Professor,
Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation*

RUSSIAN SCIENTIFIC CONCEPTS OF CRIME REASONS

Abstract

The article discovers main directions of classical school of criminal law, development of 2 theories of crime reasons in Russia that are generally called sociological and anthropological lines. The authors define main aspects of Russian sociological school of Criminal Law: multi factorial approach to crime reasons explanation; less dependence on anthropological theory of crime reasons comparing

to Western countries' sociological schools. The article reveals aspects of anthropological theory of crime, social processes' influence on crime, necessity of social problems' solution (employment, education etc.). The article presents relation between sociological and anthropological lines of crime reasons' theories. The authors define the main determinants of criminal behavior, study psychophysical personality abnormalities. Theory of subjective reasons of crime is also described in the article. The authors conclude that crime counteraction practice proves that social problems' solution is of much more importance than criminal restrictions escalation due these restrictions' limited prevention effect. The article studies the objective nature of crime reasons. The authors study individual and social groups levels of crime reasons. The article provides with analysis of biological crime determinants and geneticists' recommendations on criminal behavior prevention application. The authors note that compromise approach that combines determinant and casual theories seems the most effective.

Key words: crime; crime reasons theories; crime determinants; classical school of criminal law; sociological school of Criminal Law; biological and sociological crime determinants.

Отдельные идеи криминологического характера высказывались в России с появлением первых источников уголовного права. При объяснении преступного поведения в значительном количестве случаев авторы исходили из православного учения о преступлении как о грехе. Это связано с тем, что влияние религии на общественную жизнь было огромно, и многие социальные науки длительное время развивались в рамках религиозного сознания. Кроме того, общество развивалось достаточно медленно, его устои были консервативны, не менялись из поколения в поколение, поэтому религия как теория высокого уровня самосознания вполне могла удовлетворить общественные запросы в объяснении основных социальных явлений, в том числе причин преступности. Попытки объяснить преступное поведение с позиций либеральных идей французского Просвещения успеха не имели, так как натолкнулись на духовно-нравственный консерватизм российского общества и не носили патриотический характер.

Отмена крепостного права в России способствовала стремительному развитию промышленности, проникновению капитализма в деревню. Реформы 1861 г. не только ускорили позитивные преобразования в России, но и привели к целому ряду негативных последствий в этой преимущественно крестьянской стране. Капитализация деревни сильно ослабила крестьянскую общину, которая не только тормозила развитие производительных сил, но и защищала экономические и другие интересы крестьян, сохраняла нравственные устои, язык и культуру российского землепашца. Начавшийся процесс разложения сельской общины лишил крестьян единства и защищенности,

способствовал их обезземеливанию и обнищанию, вымиранию целых деревень. Безземельные крестьяне становились вынужденными мигрантами, которые покидали свои деревни, вливаясь целыми семьями в многочисленные уголовные шайки, либо по решению сельской общины удалялись из «мира» за «пьянство» и «смуту» и в последующем ссылались в Сибирь в административном порядке, оставаясь без жилья и определенных занятий. Значительная часть сельских мигрантов ушла в города, образовав там целые армии бродяг, проституток и сутенеров или превратившись в маргиналов-пролетариев, не адаптированных к условиям труда на фабрике [9, с. 23–24, 29, 98–99].

Капитализация деревни уже в то время наглядно показала, какими криминальными издержками сопровождается вынужденная и неуправляемая миграция сельского населения. Разрушение сельской общины способствовало падению нравов, ослаблению родственных связей, разрушению семьи как основы биологического и социального воспроизводства населения. В результате преступность в России через несколько лет после реформ стала развиваться по общемировым законам, т.е. она росла, причем темпами, опережающими прирост населения.

Такое состояние преступности способствовало расширению предмета классической школы уголовного права, представители которой занимались изучением исключительно юридической модели преступления. Статистика наглядно показала им, что количество ежегодно регистрируемых преступлений и преступников обнаруживает определенные закономерности. Одни исследователи, преимущественно реформаторы, обнаружили эти

закономерности в социальных процессах общества, другие, преимущественно консерваторы, – в особых свойствах преступников. Эти группы исследователей положили начало двум основным теориям причин преступности, которые принято называть социологическим и антропологическим направлениями.

Русскую социологическую школу уголовного права отличали две основные особенности. Во-первых, многофакторный подход к объяснению причин преступности, во-вторых, меньшая, по сравнению с социологическими школами западных стран, зависимость от антропологических теорий причин преступности. Отечественные криминологи полагали, что основные постулаты теории факторов были впервые сформулированы и обоснованы в виде целостной теории русскими криминалистами, а не итальянцем Э. Ферри, как принято считать на Западе. В частности, русский криминалист И.Я. Фойницкий еще в 1873 г. в своей статье «Влияние времен года на распределение преступности» за несколько лет до Э. Ферри отмечал, что преступление определяется совместным действием условий физических, общественных и индивидуальных. К числу общественных факторов И.Я. Фойницкий относил уровень цен на продукты, развитие торговли, организацию труда; к числу физических факторов – пол, возраст, природную среду обитания человека (климат, почву, температуру воздуха). Например, проанализировав французскую уголовную статистику с 1836 по 1869 г., И.Я. Фойницкий утверждал, что «имущественные преступления тяготеют к холодным месяцам, а преступления личные – к месяцам жарким». Исходя из этого, автор делал слишком прямолинейный вывод о том, что улучшение климата способствует снижению числа краж. К личным факторам И.Я. Фойницкий относил психическую деятельность личности (волю, разум и т.д.). Основные положения социологической школы развивались в дальнейшем целой плеядой русских исследователей – Е.Н. Тарновским, М.Н. Гернетом и др.

Сегодня многие выводы, сделанные представителями социологической школы, выглядят поверхностными и наивными. Они не позволяют увидеть механизм порождения преступности, фиксируют лишь несущественную зависимость между преступностью и некоторыми явлениями. Однако большой заслугой

представителей этой школы явилось то, что они обратили внимание на взаимосвязь социальных (в том числе и экономических) процессов и преступности, на необходимость улучшения условий жизнедеятельности людей при решении проблем борьбы с преступностью.

Антропологическое направление в России было представлено как медиками, так и юристами. Безусловно, что за основу исследований сторонниками этого направления были взяты работы Ч. Ломброзо и его последователей, которые обосновывали отличие преступника от основных людей наличием у него особых врожденных атавистических качеств дикаря [6]. Следует отметить, что русские исследователи не были ортодоксами антропологической доктрины преступности, поскольку признавали влияние на нее социальных процессов, а потому необходимость не только применения карательных мер, но и решения целого ряда социальных проблем.

Профессор права Н.А. Неклюдов утверждал, что именно возраст человека определяет количество преступников и характер совершенных ими преступлений. Изучив данные уголовной статистики на примере Франции, Н.А. Неклюдов пришел к выводу о том, что преступления против собственности склонны совершать подростки, против личности – молодые люди, политические преступления – люди в возрасте 40–45 лет и т.д. [8, с. 27–45, 168–170]. Подмеченная Н.А. Неклюдовым особенность структуры преступности возражений не вызывает. Однако заблуждением является то, что возраст рассматривается исключительно как физическое свойство личности, между тем это свойство прежде всего социальное: каждому возрасту свойственны различные виды социальной активности и различные социальные роли [12, с. 118]. Понимая, что определенный возраст сам по себе не превращает человека в преступника, Н.А. Неклюдов признавал влияние на преступность социальных факторов: порядка управления, имущественных отношений и т.д. Юрист Д.А. Дриль полагал, что преступление представляет собой результат взаимодействия как физических и психических особенностей личности, так и факторов внешней среды – физических и общественных. Исходя из этого, Д.А. Дриль предлагал бороться с преступностью или медицинским лечением, или благоприятным изменением жизненной обстановки [4, с. 82, 95, 551, 588].

Одним из наиболее известных врачей-антропологов являлась П.Н. Тарновская. На основании сравнительного изучения контрольных групп женщин с социально-отклоняющимся (преступниц и проституток) и нормативно-одобряемым поведением она пришла к выводу о том, что женщины-преступницы анатомически отличаются от законопослушных женщин (по росту, размеру челюстей, симметрии лица и т.д.) [15]. Однако выводы П.Н. Тарновской приходили в противоречие с биографией исследованных ею женщин-преступниц и проституток, поскольку большинство из них до совершения преступлений или занятия проституцией находились в тяжелых условиях. Это обстоятельство определило непоследовательность антропологических взглядов П.Н. Тарновской на политику борьбы с преступностью, поскольку она предлагала использовать не только карательные меры, но и меры по улучшению условий жизни людей (трудоустройство, организация обучения и т.д.).

Безусловно, антропологические теории причин преступности находили поддержку в консервативных властных кругах России, поскольку объективно были направлены против реформаторских начал в обществе. Однако нельзя отрицать того положительного опыта, что дали эти теории для криминологии в целом. В частности, своими исследованиями ученые-антропологи обратили внимание научной общественности на необходимость изучения личности лица, совершившего преступление, на взаимосвязь биологических свойств личности и преступного поведения. Эти исследования оценили уже современники. Так, М.П. Чубинский в заслугу ученым-антропологам поставил то, что появился огромный новый фактический материал, который позволил описать преступника в действительности, что до антропологических исследований были лишь абстрактные рассуждения о преступнике в тиши ученых кабинетов [16]. Кроме того, автор отмечал, что антропологические идеи проникнуты гуманизмом, так как исходили из разного отношения к преступникам различного типа, прежде всего к случайным преступникам, являющимся еще новичками в преступном мире; между тем классическая доктрина исходила из идеи возмездия, которое должно одинаково постичь как упорного злодея, так и новичка, она нивелировала различных преступников.

Социологическое и антропологическое направления в теории причин преступности были основными в изучении данной проблемы русскими исследователями вплоть до начала Первой мировой войны. Участие России в мировой войне, долгие годы Гражданской войны обострили криминогенную обстановку в стране, поставили перед победившим режимом острую проблему борьбы с преступностью и необходимости ее изучения. Центрами научных исследований в начале 20-х гг. стали создаваемые в ряде крупных городов кабинеты по изучению преступника и преступности. Практически с самого начала исследовательская деятельность этих кабинетов носила ярко выраженный антропологический характер. Доминирующие позиции во многих кабинетах заняли представители психиатрии и других естественных наук, которые в качестве основных детерминантов преступного поведения выделяли психофизические аномалии личности. Так, С.В. Познышев выделял эндогенный тип преступника, обладающий сильной предрасположенностью к преступной деятельности [11, с. 35, 117]. В результате криминологические исследования стали развиваться в тупиковом направлении, поскольку произошла полная подмена предмета и метода социальной науки. Вместо изучения преступности и преступника изучалось поведение лиц, страдающих психическими отклонениями, сами эти свойства; вместо применения методов, используемых в психологических и социальных науках, активно использовались методы судебно-психиатрические. Вывод о биологической неполноценности преступников, смешение преступников и душевнобольных привели исследователей, претендовавших на первенство в изучении проблем криминологической науки, к заявлениям о необходимости вести борьбу с преступностью по правилам социально-клинической диагностики, заменить суд терапией.

Такое увлечение криминологических учреждений биологическими факторами преступности в какой-то мере было обусловлено влиянием дореволюционных доктрин причин преступности, т.е. антропологического направления и социологической школы уголовного права, представители которой, как уже отмечалось, также признавали большое значение психофизических свойств личности в преступном поведении. Однако основная причина распространения антропологических

теорий состояла в догматическом восприятии последователями общеидеологических «постулатов» марксизма об антикриминогенном характере социализма. Исследователи изначально исходили из того, что после Октябрьской революции «подорваны социальные корни преступности». Такая посылка означала, что причины преступности должны вытекать из каких-либо особых свойств личности преступника. Однако антропологические выводы психиатров скоро пришли в очевидное противоречие с марксистской доктриной, исходящей из социальной природы преступности.

Теоретические заблуждения сторонников биологического изучения преступников в совокупности с господствовавшей государственной идеологией и реальными успехами в борьбе с преступностью привели к негативным последствиям: в 30-х гг. криминологические исследования были практически свернуты, а проводившие их учреждения были либо закрыты, либо перепрофилированы на разработку проблем так называемой исправительно-трудовой политики. В последующие десятилетия проблемы преступности изучались в основном в рамках судебной статистики, которая до конца 1980-х гг. оставалась закрытой, и в рамках правоохранительной деятельности. Вплоть до 60-х гг. отдельные положения о преступности находили отражение в учебниках уголовного права. Однако исследователи в основном ограничивались рассуждениями общего характера о ликвидации в СССР основной причины преступности – эксплуатации, о преступности как пережитке прошлого (капитализма), который сохраняется во многом благодаря подрывной деятельности враждебного империалистического окружения, о поставленной коммунистической партией задаче полного искоренения преступности.

С середины 60-х гг. ситуация стала постепенно изменяться. Криминологические воззрения стали отклоняться от одной крайности к другой: в области идеологической – от признания социализма антикриминогенной системой до признания преступности вечным явлением; в области собственно научного познания – от попытки найти одну-единственную причину преступности до признания невозможности вообще установить причины преступности. В частности, в 1966 г. И.И. Карпец опубликовал статью «О природе и причинах преступности в СССР», в которой

указал: «...Коль скоро существуют причины, порождающие преступность, то и наличие правонарушений и преступности относится к закономерным явлениям». В этой же статье И.И. Карпец подверг критике бытовавшее среди советских юристов мнение об отсутствии при социализме социальных причин преступности. По мнению автора, если преступность как социальное явление реально существует, то оно должно иметь причины, которые носят социальный характер. И.И. Карпец отмечал, что в СССР нет коренных причин преступности (эксплуатации человека человеком, безработицы, нищеты и т.д.), поэтому необходимо искать эти причины в пережитках прошлого, а также в негативном влиянии на социалистический лагерь империалистического окружения. Пережитки прошлого (главным образом капитализма) воплощаются в общественном и индивидуальном сознании граждан, а также в их поведении. Объективные трудности общества, строящего коммунизм, а также отдельные недостатки и упущения советского общества не выступают в качестве причин преступности, они могут лишь способствовать совершению конкретных преступлений. Наличие пережитков прошлого в сознании людей, живущих при социализме, исследователь объяснял относительной самостоятельностью сознания от породившего его базиса, в частности отставанием сознания от позитивных изменений в обществе. Позиция, высказанная И.И. Карпцем в части закономерного существования преступности и ее причин при социализме, носила в свое время радикальный характер, однако была поддержана целым рядом исследователей [10].

Динамичное развитие общества уже через несколько лет заставило криминологов развивать концепцию причин преступности, поскольку чрезмерное «долгожительство» «пережитков прошлого» в сознании людей явилось очевидным мифом. В этот период позиции исследователей сходились в одном: они единодушно признавали антикриминогенный характер социализма. Однако единая идеологическая платформа не помешала криминологам разделиться на три основные группы: одни исследователи объясняли существование преступности субъективными причинами, вторые – объективными социальными процессами, третьи – биологическими свойствами личности.

Наиболее рельефно теория субъективных причин преступности нашла отражение в работах Н.Ф. Кузнецовой, которая исходила из того, что детерминанты преступности при социализме связаны с противоречиями, унаследованными от прошлых частнособственнических формаций. Причинами преступности являются рудименты мелкобуржуазной психологии – индивидуалистические традиции, привычки, интересы и мотивация [5]. Эти пережитки прошлого воплощаются в дефектах общественного, группового и индивидуального сознаний. Противоречия, встречающиеся в реальной практике социализма, иногда приводят к отдельным негативным явлениям (ошибкам, упущениям, просчетам в управленческой деятельности и т.д.), которые способствуют сохранению преступности. При капитализме общественные противоречия непримиримы, поэтому они неизбежно порождают преступность, являются ее причинами. При социализме они утрачивают свой антагонистический характер, поэтому выступают в качестве условий, а не причин преступности. Кроме того, условием преступности при социализме является криминогенное влияние империалистического окружения.

Недостатки этой теории достаточно явно проявились еще до краха тоталитарной системы. Во-первых, это связано с тем, что автором не допускалась даже возможность постановки вопроса об ответственности социалистической системы за состояние преступности, поскольку изначально данная система объявлялась антикриминогенной. Н.Ф. Кузнецова применила двойной стандарт в объяснении причин преступности при капитализме и социализме, полагая, что в одной системе они коренятся в самой природе общества, вытекают из его глобальных противоречий, в другой – лежат в субъективной сфере. Практика реального социализма не подтвердила правильность этой доктрины, а политика борьбы с преступностью наглядно показала, что действительных успехов можно достичь прежде всего при решении социальных проблем объективного характера.

Во-вторых, недостатком этой теории являлось неправильное определение приоритетов политики борьбы с преступностью, поскольку чрезмерно большое значение придавалось не улучшению условий жизнедеятельности людей, а уголовно-правовой политике, связанной

прежде всего с реализацией уголовного наказания. В частности, Н.Ф. Кузнецова отмечала: «Как ни мал страх преступников перед наказанием, не следует преуменьшать значение общей и специальной уголовно-правовой превенции. В истории борьбы с преступностью были убедительные подтверждения значимой роли блокирования криминогенной мотивации страхом наказания» [5]. Это суждение является справедливым лишь отчасти. Закономерно, что в условиях сильной криминализации общества, падения его антикриминогенного потенциала карательная политика играет весомую роль в борьбе с преступностью, поскольку потенциал иных мер исчерпан или очень мал. В такие периоды жизни общества появляются многочисленные доктрины, наукообразно обосновывающие высокий уровень карательных притязаний населения и приписывающие наказанию гораздо больший профилактический эффект, чем это есть на самом деле [7]. Реальная практика борьбы с преступностью показывает, что приоритет в этой области принадлежит решению основных социальных проблем, а не усилению уголовных репрессий, профилактический эффект от которых не столь уж велик.

Вместе с тем отметим, что в позиции Н.Ф. Кузнецовой есть целый ряд моментов, заслуживающих внимания, в том числе и сегодня [5]. Во-первых, автору удалось показать тесную взаимосвязь между нравственным состоянием общества, морально-психологическим климатом населения и состоянием преступности. Во-вторых, Н.Ф. Кузнецова совершенно верно указала на необходимость выделения причин преступности на трех уровнях: общества, социальных групп, личности, – что позволяет установить, как глобальные социальные процессы преломляются в конкретном преступлении. В-третьих, Н.Ф. Кузнецова удачно выделила внешние детерминанты преступности, связанные с криминогенным воздействием Запада на состояние преступности в нашем обществе. К их числу она отнесла: военную интервенцию; экономическую экспансию и блокаду; втягивание в гонку вооружений; прямую криминальную деятельность против нашего государства (шпионаж, террористический акт и т.д.); преступления международного характера, совершаемые на территории нашего государства и служащие передачей криминального опыта (угон само-

летов, контрабанда, захват заложников, терроризм и т.д.); идеологическая и психологическая война через массовую культуру: радио, кино, газеты, книги. Все эти формы криминогенного влияния Запада были направлены на ослабление экономического, оборонного, политического потенциала бывшего СССР, истощение его материальных, экологических и людских ресурсов, духовную и нравственную деградацию населения. К сожалению, противостояние между Западом и СССР объяснялось пропагандистской машиной КПСС как противостояние между двумя системами – капитализмом и социализмом. Кризис господствовавшей долгие годы в СССР единственной идеологической доктрины привел к дезориентации общественного сознания, к непониманию того, что в основе такого противостояния могли лежать и иные процессы. Например, геополитическое положение России всегда приводило к тому, что она была окружена государствами, имевшими к ней территориальные претензии и стремящимися втянуть Россию во все локальные войны и войны мирового масштаба, а также использовать ресурсы России, ее население для остановки «крестовых походов», угрожающих человеческой цивилизации (борьбы с татаро-монгольским нашествием, территориальной экспансией фашизма и т.д.) [13]. И наконец, Н.Ф. Кузнецова вполне справедливо подметила присущие преступности атавистические начала, хотя и преувеличила их значение.

Исследователи, исходившие из объективного характера причин преступности при социализме, отмечали, что существование преступности обуславливается противоречиями общественного развития. Эти противоречия по своей сути являются пережитками прошлых формаций, которые существуют не только в общественном сознании, но и в общественном бытии. Внешние причины преступности связаны с существованием социализма в условиях империалистического окружения. Внутренние противоречия, порождающие преступность, сторонниками указанной позиции делятся на противоречия, связанные: а) с особенностями социализма как системы; б) с конкретно-исторической обстановкой развития социализма; в) с недостатками и ошибками, допускаемыми при управлении обществом.

Первая группа противоречий, по мнению исследователей, обусловлена тем, что социа-

лизм – это не полный коммунизм, поэтому в обществе сохраняются «родимые пятна» капитализма (несколько видов собственности, классы, различие между умственным и физическим трудом и т.д.). Основным противоречием общественного развития является противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Однако при капитализме они носят антагонистический характер и не подчинены прогрессивному развитию. Именно поэтому преступность при капитализме вытекает из «природы самого общества», она генетически связана не только с законами его функционирования, но и с законами развития.

При социализме преступность также представляет собой закономерное явление, однако ее существование связано только с законами функционирования указанных противоречий, поскольку эти противоречия утрачивают антагонизм, поддаются прогрессивному воздействию, постепенно сглаживаются. Конкретно противоречия между производительными силами и производственными отношениями при социализме, по мнению исследователей, проявляются в несоответствии уровня производства покупательной способности населения, а также чувства социального равенства фактическому социальному неравенству.

Вторая группа противоречий связывалась исследователями с объективными конкретно-историческими условиями, создающими трудности и осложнения при строительстве социализма. Эти сложности могут быть государственного или локального значения (война, стихийные бедствия и т.д.), кратковременными или длительными, однако в любом случае они не связаны с природой социализма.

Третья группа противоречий связывалась исследователями с недостатками и ошибками в управлении обществом. Эти противоречия, по мнению авторов, играли роль субъективных детерминантов преступности – условий, которые находятся в противоречии с сущностью социализма. Позднее, в период кризиса тоталитарной системы, просчеты в управлении обществом стали называть деформациями социализма, т.е. отступлением от идей научного коммунизма. Эти деформации, как принято было считать, заложили основу преступности (сталинские нарушения законности, насильственная коллективизация крестьянских хозяйств и т.д.) [3].

Кроме того, исследователи выделяли и внешние противоречия, связанные с противостоянием социализма и капитализма. Это противостояние выливалось в идеологическую диверсию империализма, оказывающую криминогенное влияние на ряд неустойчивых граждан социалистического общества. Позднее исследователи стали отмечать криминогенное воздействие на СССР не только капиталистических государств, но и государств с иной, в том числе социалистической, ориентацией [2].

В рассматриваемом подходе главным позитивным моментом являлось то, что с общества не снималась ответственность за состояние преступности, поскольку ее причины выводились из объективных социальных процессов. Опираясь на этот подход, исследователи в 1970–80-х гг. сделали достаточно много для объяснения причин преступности на индивидуальном уровне и уровне отдельных социальных групп. Такой подход позволил на многие годы достаточно четко определить основную стратегию в борьбе с преступностью – постоянное улучшение социальных условий жизнедеятельности людей. Дальнейшее углубление этого подхода позволило криминологам избавиться от основного идеологического заблуждения, от представлений о социализме как антикриминогенной системе, а также прийти к выводу о том, что ни одна из известных истории общественных систем не была свободна от социальных пороков, порождающих преступность. В этой связи отметим, что вряд ли следует поддерживать точку зрения западных криминологов о вечном характере преступности, поскольку предсказание ее исторической судьбы явилось бы очередным идеологическим мифом.

Подход, при котором существование преступности объяснялось биологическими детерминантами, получил наибольшее обоснование в работах И.С. Ноя. Справедливо отмечая, что биологическим детерминантам преступности в отечественной криминологии уделяется слишком мало внимания, И.С. Ной для обоснования значимости указанной проблемы обратился тем не менее не к реальным исследованиям, а к идеологической демагогии. Он отмечал, что капитализм закономерно рождает преступность, при социализме нет социальных причин преступности, эти причины нужно искать в особых психических свойствах личности, определенных генетически. Если

такая личность попадает в негативную среду, то она совершает преступления. Придавая биологическому фактору свойство причины преступности, а социальному фактору – свойство ее условия, И.С. Ной и предупреждение преступности перенес из сферы социальной в биологическую, поскольку предлагал в профилактике преступного поведения активно использовать рекомендации генетиков.

Отечественные криминологи обоснованно критиковали позицию И.С. Ноя, справедливо отмечая, что биологический фактор играет роль не причины, а субъективного условия преступного поведения. Таким образом, позиция И.С. Ноя не получила широкого признания, однако она принесла ощутимый вред для дальнейших криминологических исследований. Дело в том, что лишь немногие криминологи обращались в последующие годы к проблеме биологических детерминантов преступности, боясь незаслуженно получить ярлык антрополога. В настоящее время значимость указанной проблемы возрастает в связи с усложнением экологической и социальной среды обитания человека. Это побуждает криминологов к активизации научных исследований.

Отказ от марксизма как методологической основы криминологических исследований привел к сближению социологического, психологического и биологического подходов к изучению детерминантов преступного поведения. К началу 2000-х гг. это сближение вполне оформилось при исследовании свойств личности, лежащих в основе индивидуального преступного поведения. Исследователи отмечали, что недопустима ни социологизация, ни психологизация личности преступника, так как эта личность представляет собой совокупность интегрированных социально значимых негативных свойств и психологических особенностей, в которых представлено взаимодействие социальных и биологических факторов [1]. Такой конструктивный подход к личности преступника позволил изучить детерминанты отдельных видов преступлений на индивидуальном уровне [17].

В области собственно научного познания, как уже отмечалось, криминологи с середины 60-х гг. прошли путь от попытки найти единственную причину преступности (например, пережитки прошлого в сознании людей) до признания невозможности найти причины преступности. Это обусловлено тем, что

найти одну причину преступности не удалось, поскольку этот многогранный феномен не может быть порожден каким-либо одним явлением. В результате в криминологии был разработан подход, согласно которому в процессе детерминации преступности участвует множество взаимосвязанных факторов. Поэтому причину преступности нужно понимать как результат процесса функционирования и развития таких явлений.

В этой связи отметим, что указанный подход имеет право на существование. Однако он не может заменить собой причинного объяснения преступности, поскольку этот подход не позволяет ответить на вполне прозаические вопросы: в какой мере влияют те или иные явления на преступность и какие из них оказываются доминирующими? Кроме того, следование только этому подходу не позволяет выявить особенности детерминации преступности в государствах с различными социально-экономическими и политическими системами, так как в любом обществе на определенной ступени человеческой цивилизации

есть сходные явления, влияющие на преступность (миграция, урбанизация и т.д.). В результате становится невозможным связать преступность с глубинными процессами, происходящими в конкретном обществе.

Отметим, что наиболее конструктивной представляется компромиссная позиция, объединяющая детерминистский и казуальный (причинный) подход к преступности. Это позволяет, с одной стороны, раскрыть механизм взаимосвязи различных явлений, воздействующих на преступность. С другой стороны, такой подход дает возможность обнаружить основные «пружины» механизма, порождающего преступность, обратить внимание на решающие звенья в системе взаимодействующих элементов, влияющих на преступность. Таким образом, краткий экскурс в историю отечественной криминологии наглядно показывает наличие в ней не только идеологических заблуждений и псевдотеорий, но и конструктивных подходов, ярких и глубоких идей, которые нуждаются в тщательном осмыслении и дальнейшем развитии.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.С. Эминов. – М., 2010.
2. Белоглазов В.А. Причинный комплекс преступности: вопросы теории и методологии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Белоглазов. – Свердловск, 1989.
3. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / С.В. Бородин. – М., 1990.
4. Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Д.А. Дриль. – М., 2006.
5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н.Ф. Кузнецова. – М., 1984.
6. Ломброзо Ч. Преступный человек / Ч. Ломброзо. – СПб., 2005.
7. Маннс Г.Ю. Общее и специальное предупреждение в уголовном праве / Г.Ю. Маннс. – Иркутск, 1926.
8. Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды / Н.А. Неклюдов. – М., 2009.
9. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России / С.С. Остроумов. – М., 1960.
10. Пионтковский А.А. Введение в советскую криминологию / А.А. Пионтковский // Советское государство и право. – 1966. – № 4. – С. 149–150.
11. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / С.В. Познышев. – М., 2007.
12. Прокументов Л.М. Криминология. Общая часть / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Томск, 2007.
13. Прокументов Л.М. Преступность и ее основные криминологические характеристики / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Томск, 1995.
14. Сахаров А.Б. Учение о личности преступника / А.Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1968. – № 9. – С. 64–69.
15. Тарновская П.Н. Воровки. Антропологическое исследование / П.Н. Тарновская // Журнал русского общества охранения народного здоровья. – 1891. – № 5. – С. 63–64.
16. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики / М.П. Чубинский. – М., 2010.
17. Шеслер А.В. Личность лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств / А.В. Шеслер, А.Н. Курындина, В.И. Брусницын. – Тюмень, 2010.

REFERENCES

1. Antonjan Ju.M., Jeminov V.S. Personality of criminal. Criminological and psychological study. [Antonjan Ju.M., Jeminov V.S. Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psihologicheskoe issledovanie]. Moscow, 2010.

2. Beloglazov V.A. Causational complex of crime: issues of methodology and practice. Author's abstract. [Beloglazov V.A. Prichinnyj kompleks prestupnosti: voprosy teorii i metodologii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Sverdlovsk, 1989.
3. Borodin S.V. Crime fighting: theoretical model of complex program. [Borodin S.V. Bor'ba s prestupnost'ju: teoreticheskaja model' kompleksnoj programmy]. Moscow, 1990.
4. Dril' D.A. Crime and criminals. Theory of crime and its counteraction. [Dril' D.A. Prestupnost' i prestupniki. Uchenie o prestupnosti i merah bor'by s neju]. Moscow, 2006.
5. Kuznecova N.F. Problems of criminological determination. [Kuznecova N.F. Problemy kriminologicheskoy determinacii]. Moscow, 1984.
6. Lombrozo Ch. Criminal person. [Lombrozo Ch. Prestupnyj chelovek]. Saint-Petersburg, 2005.
7. Manns G.Ju. General and special prevention in criminal law. [Manns G.Ju. Obshhee i special'noe preduprezhdenie v ugolovnom prave]. Irkutsk, 1926.
8. Nekljudov N.A. Criminal and statistical essays. [Nekljudov N.A. Ugolovno-statisticheskie jetjudy]. Moscow, 2009.
9. Ostroumov S.S. Crime and its reasons in pre-revolutionary Russia. [Ostroumov S.S. Prestupnost' i ejo prichiny v dorevoljucionnoj Rossii]. Moscow, 1960.
10. Piontkovskij A.A. Introduction to the Soviet criminology. [Piontkovskij A.A. Vvedenie v sovetskiju kriminologiju]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*, 1966, no. 4, pp. 149–150.
11. Poznyshev S.V. Criminal psychology. Criminal types. On psychological research of personality as subject of behavior in general and research of personality of criminal in particular. [Poznyshev S.V. Kriminal'naja psihologija. Prestupnye tipy. O psihologicheskom issledovanii lichnosti kak sub#ekta povedenija voobshhe i ob izuchenii lichnosti prestupnika v chastnosti]. Moscow, 2007.
12. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Crime and its main criminological characteristics. [Prozumentov L.M., Shesler A.V. Prestupnost' i ejo osnovnye kriminologicheskie harakteristiki]. Tomsk, 1995.
13. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Criminology. General part. [Prozumentov L.M., Shesler A.V. Kriminologija. Obshhaja chast']. Tomsk, 2007.
14. Saharov A.B. Theory of personality of criminal. [Saharov A.B. Uchenie o lichnosti prestupnika]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*, 1968, no. 9, pp. 64–69.
15. Tarnovskaja P.N. Thieves. Anthropologic research. [Tarnovskaja P.N. Vorovki. Antropologicheskoe issledovanie]. *Zhurnal russkogo obshhestva ohraneniya narodnogo zdravija – Russian association of health care*, 1891, no. 5, pp. 63–64.
16. Chubinskij M.P. Criminal policy essay. [Chubinskij M.P. Oчерki ugolovnoj politiki]. Moscow, 2010.
17. Shesler A.V., Kuryndina A.N., Brusnicyn V.I. Personality of drug trafficking related crime perpetrator. [Shesler A.V., Kuryndina A.N., Brusnicyn V.I. Lichnost' lica, sovershajushhego prestuplenija v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv]. Tjumen', 2010.

Сведения об авторах

Прокументов Лев Михайлович – профессор юридического института Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Томск, Российская Федерация; e-mail: lawtsu@rambler.ru.

Шеслер Александр Викторович – профессор юридического института Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Томск, Российская Федерация; e-mail: lawtsu@rambler.ru.

Information about authors

Prozumentov Lev Mihajlovich – Professor of Law Institute of Tomsk State University, Doctor of Law, Professor, Tomsk, Russian Federation; e-mail: lawtsu@rambler.ru.

Shesler Aleksandr Viktorovich – Professor of Law Institute of Tomsk State University, Doctor of Law, Professor, Tomsk, Russian Federation; e-mail: lawtsu@rambler.ru.